

Два рассказа

1. Любимая жаба

Иванов все-таки нашел свое счастье, свою заколдованную царевну.

Он не сдал экзамен (смешно сказать, по химии!) и по этому поводу, как положено, набрался. В дым. И вот сидит он с тяжелой головой на скамеечке в парке и трясущимися руками открывает с помощью зажималки бутылку пива. Именно бутылку, потому что не любит российский народ из жестяных банок пиво тянуть — нос можно порезать! Поймал Иванов момент, когда правая и левая руки стали трястись в такт, умудрился-таки открыть бутылку, а пробку в кусты забросил.

И тут же, даже глотка не успел сделать, из кустов жалобно пискнули. Неужели пробка в кого-то угодила — в жука, скажем, или мелкую зверушку?

Иванов, ясный перец, полез в кусты: кому же там досталось? Раздвинул ветви и видит: жаба сидит, и у нее на голове перевернутая пивная пробка сверкает, словно корона. Да, сидит эта жаба и жалобно квакает, явно не зная, что с неожиданным подарком делать: и выбросить жалко, и неудобство определенное.

«Вот она, моя царевна-лягушка!» — решил с похмелья Иванов, аккуратно, как мог, положил ее на ладонь и направился домой.

Жаба оказалась настоящей находкой. Не кричит, не дерется. Пьет воду, ест мух и ждет, когда Иванов домой придет. А какая умница! Таращится Иванов как-то ночью на монитор своего компьютера и программку банковскую пытается взломать (пиво же на что-то покупать нужно!), а жаба на его плече сидит. Только ни черта у Иванова не выходит, пароль не может подобрать. Даже руки опустились. И тут жаба прыг с плеча и давай лапками по клавиатуре стучать. Иванов удивиться не успел, а она уже пароль набила и в систему вошла. Вот ведь счастье привалило!

Так пошло-поехало. Жаба хакерством зарабатывает, а Иванов сутками в ночных клубах или дискотеках пропадает. Но, заметим, женщин домой не водит, понимает, что жаба обидеться может.

Но где счастье, там и черная людская зависть. Пришел как-то к Иванову студент-биолог Петров. Фамилия ему от папы-художника досталась: что-то он, папа, там такое высокохудожественное намалевал — то ли «Мальчика на красном унитазе», то ли «Женщину с синей мочалкой», в общем, лет на десять прославился. Ну, значит, пришел этот биолог, сын папы, и давай жабу в руках вертеть, со всех сторон рассматривать, а потом и говорит:

Автор рассказов, которые перед вами, — доктор химических наук, научный сотрудник Института общей и неорганической химии РАН, то есть человек, которому наш журнал любезен, так сказать, по определению. Однако литературный дебют Г.Д.Нипана состоялся несколькими месяцами раньше в «Знамени» (2004, № 3). Сегодня мы публикуем два рассказа из цикла, который автор назвал «ненаучной фантастикой». Может быть, он и прав?

— Не может она быть заколдованной царевной, потому что она не лягушка, а зеленая жаба — *Bufo viridis*. Это первое. Второе: не будет у тебя с ней никакого семейного счастья — земноводные с млекопитающими не скрещиваются. Третье: у этой особи патология, потому что самки не должны квакать. Ей и квакать-то нечем, резонатора нет.

Вот ведь циник и вообще скотина — лезет со своей биологией в чужое счастье! Но Иванов сразу нашелся:

— Чем кожа страшнее, тем душа нежнее, а детей мы приемных возьмем. Мальчика или девочку из приюта, или какого-нибудь головастика из пруда. — И вытолкнул Петрова за дверь.

Но тот, конечно, по злобе стал слухи распускать по всему институту, что Иванов с жабой живет. Иванову проходу не давали, особенно девушки. Как увидят, глаза закатывают и какую-нибудь глупость порют, например:

— Ну, ты, Иванов, извращенец!..

Только все это недолго продолжалось — как раз до передачи экзамена по химии. Иванов, как водится, опять не выучил, но прятаться за медицинскими справками не стал. А почему? Перед жабой было стыдно (вообще, она из него потихоньку человека делала). Утром, повздыхав, собрал он все книги по химии в рюкзак, хотел уже его закрывать, как вдруг жаба прыг туда же. Села на учебнике по органической химии и ясными, спокойно-выпученными глазами на Иванова смотрит. И — будто камень с сердца сняла. Понял Иванов, что жаба выход найдет.

Пришел на экзамен, вытянул билет. Знать, конечно, ничего не знает и откуда списывать не ведает. Сидит и вертит билет в руках. Вдруг жаба цап билет лапкой, затем в два прыжка за дверь, а там прыг-прыг, и к Кате Сидоровой, первой красавице и отличнице. Катя сидела в коридоре и какую-то умную книжку читала. Жаба запрыгнула к ней на колени и ивановский билет протянула — дескать, посмотри. Замерли все вокруг, даже курить перестали, а потом как прорвало: загалдели и давай в восемь рук ответы на вопросы из ивановского билета писать. Написали, свернули все в аккуратную трубочку и — жабе в лапку. А та тихонько пробралась сквозь приоткрытую дверь и сразу к Иванову.

Экзамен он сдал. На дополнительные вопросы, разумеется, не ответил, но трояк поставили.

Жабу зауважали, после экзамена все к ней лезли поздравиться за лапку. Иванов осмелился и пригласил Катю Сидорову в кафе, а она не отказала. Положила жабу на ладошку и пошла рядом с Ивановым. В кафе ели мороженое и пили сок как люди. Иванов даже пива не попросил, а жабе взяла клюквенного морса. Жаба сидела на столе и пила морс через соломинку, а Иванов и Сидорова гладили ее умную голову и улыбались друг другу.

Через несколько дней Катя придумала: надо с жабой сходиться к какой-нибудь гадалке — пусть жабу расколдуют. Пошли к гадалке. Но та не взялась расколдовывать. Посмотрела в глаза Иванову и Сидоровой и сказала, что жаба принесет им счастье.

Так и вышло. Через три месяца Иванов и Сидорова пожевились, а потом у них родился сын.

Тут уже следующая история. Родился сын, жаба его убаюкивала, тихо урча, и громко квакала, если подгузники становились мокрыми, то есть требовала их сменить.

Когда мальчик подрос, жаба стала его надежным телохранителем, остро чувствующим все недоброе или гадкое. Однажды в парке она прыгнула на морду какому-то не в меру ретивому догу, который попытался на мальчика гавкнуть. Мгновенно сработали ее ядовитые железы. Дог катался по траве, пытаясь оттереть или слизать жгучий яд, визжал, и его рвало. С тех пор Иванова-младшего без боязни отпускали с жабой на прогулку. Она научила мальчика своему языку, что-то ему рассказывала, он внимательно слушал и иногда смеялся в ответ. Глядя, как жаба ловко плавает в ванне, Иванов-младший стал регулярно ходить в бассейн, записавшись в школу плавания. Жаба бесшумно присутствовала на всех тренировках, но сама плавать в хлорированной воде рядом со своим любимцем, понятно, не могла. Зато она быстро прыгала вдоль бортика бассейна, когда сын плыл, и бурно поддерживала его своим кваканьем. Тренер, который вначале потешался над странной помощницей мальчика, обратил внимание на то, что тот стал быстро обходить своих сверстников, особенно если плыл брассом. С тех пор жаба присутствовала и на всех соревнованиях по плаванию.

Как-то мама и папа Ивановы, вспомнив свой давнишний поход к гадалке, попросили сына узнать у жабы, кем она была раньше. Мальчик перевел вопрос жабе и затем сказал родителям:

— Раньше она была головастиком, а еще раньше икринкой. Ивановы долго хохотали...

Когда мальчик дорос до того критического рубежа, когда одна часть юношей начинает увлекаться техникой, а другая сигаретами и пивом, он увлекся биологией, причем земноводные стали его коньком. Теперь все выходные Иванов-младший проводил на болотах вместе со своей жабой, где наблюдал за жизнью лягушек, жаб и тритонов, снимая отдельные эпизоды на видеокамеру, и вел с обитателями болот беседы, вначале при посредничестве своей няньки, а затем и самостоятельно, записывая голоса на диктофон.

После окончания школы он поступил на биофак МГУ и уже на втором курсе, не без помощи талантливого руководителя, конечно, выпустил две брошюры — «Моя любимая жаба» и «Глазами лягушки». Эти книжки вскоре перевели на многие языки. В общем, оглушительный успех. К двадцати пяти годам Иванов-младший получил кандидатскую степень и стал непременным участником всех международных конференций, связанных с земноводными.

Коллеги шутили, что доклады и слайды ему готовит жаба, с которой он никогда не расстается. Однако остряки утихли,

2. Полет шмеля

когда в лаборатории университета Сан-Паулу он сумел разговаривать необычное земноводное, найденное в Амазонии, и это существо рассказало о повадках и местах обитания своих сородичей. Что последовавшие экспедиции полностью подтвердили.

Но и это не все. Возле талантливого и необыкновенного Иванова-младшего теперь всегда, как пчелки, роились девушки. Однако и тут жаба служила прекрасным индикатором. Получалось так: в самый неожиданный момент Иванов знакомил очередную претендентку со своей нянькой. Некоторые девицы брезгливо кривились («Фу, какая гадость!»), другие, подавив отвращение, пытались заигрывать с жабой, но этот номер не проходил: жаба остро чувствовала фальшь и отползала от чужих протянутых рук. Но вот однажды появилась юная дипломница Сашенька. Увидев ее, жаба громко и удивленно квакнула. Нельзя сказать, чтобы девушка была голой, поскольку одна тряпочка все-таки обвивала ее бюст, а другая бедра, но и одетой Сашеньку в тот момент никто не назвал бы. Кроме того, в ее губах дымилась сигарета.

— Что она квакнула? — спросила Сашенька Иванова-младшего.

— Ты ее немного удивила, — последовал ответ. — Понимаешь, она придерживается ортодоксальных взглядов на поведение девушек и женщин.

— Квак же, квак же, — передразнивая жабу, съязвила Сашенька, — кваакая-то оторва осмелилась приблизиться к ее непорочному воспитаннику! Кваакая наглость!

— Прекрати, — попросил Иванов-младший, — она все понимает и хорошо чувствует интонации.

— Кваакая честь! — продолжала ерничать Сашенька. — Сама ивановская жаба собирается меня воспитывать! Вот тебе! — И показала жабе язык.

Жаба не осталась в долгу и показала язык Сашеньке, и, как тут же отметил Иванов, язык жабы оказался длиннее. Сашенька звонко засмеялась, а потом предложила жабе:

— Ладно, подруга, давай мириться!

— Ква? — спросила жаба.

— Ква! — подтвердила Сашенька.

С появлением Сашеньки жаба, как бы почувствовав, что выполнила свое главное предназначение, стала сдавать. Возраст, что делать! Она уже не ездила с Ивановым-младшим на конференции и не сопровождала его в длительных экспедициях. Но была за него спокойна: ведь рядом с ним находилась Сашенька. Когда дети (то есть Иванов-младший и Сашенька) отсутствовали, тихо сидела в доме Ивановых-старших возле обогревателя и надолго засыпала.

Прошло некоторое время, Иванов-младший (вместе с Сашенькой, конечно) находился в экспедиции в Никарагуа, когда ему передали срочное сообщение от родителей. Там было два слова: «Она умерла». Противомоскитная сетка скрыла от окружающих то, что произошло с его лицом. Потом, молча и яростно размахивая мачете, он рванул напролом в тропическую сельву. Умная Сашенька, деликатно выждав минут десять, отправилась его искать. Иванов-младший сидел на камне возле мелкого водопада и плакал. Как ребенок. Слезинки скатывались по щекам в бороду ученого.

Сашенька принялась гладить его по голове, приговаривая: — Но ты же сам знаешь, что для жаб двадцать восемь лет — это глубокая старость. Она умерла старушкой, в тепле и уюте. В окружении своих близких.

— Знаю, все знаю! — сквозь слезы отвечал Иванов-младший. — Но кто теперь научит наших с тобой детей быть людьми?

Черная зебра с белыми полосками получалась плоской, неживой, какой-то блеклой, как будто ее выстирали и положили сушиться. Наташка, подперев голову рукой, бесцельно водила кисточкой по бумаге. Главная зебра не рисовалась. Все нормальные белые зебры с черными полосками получились замечательно, а эта — ну ни в какую! А как без нее в Наташкиной саванне? Как без верблюда на айсберге.

Она бросила кисть в баночку с водой и подошла к окну. Во дворе жизнь набегала морскими волнами. Кто-то носился на роликах, кто-то на самокате, возле качелей дрались мальчишки, на ближайшей скамейке начинающие девушки осваивали косметический набор, и никому не было дела до Наташки Цаплиной из квартиры номер 134, которая не любит цифры и получает по математике двойки. За это ее не отпускали гулять — чтобы сидела и долбила эти чертовы дробы. Ну и ладно. Ведь все равно у нее нет друзей ни в школе, ни во дворе. Потому что она молчаливая, не любит компьютерные игры и у нее нет даже простенького мобильного. А зачем он ей, если никто, кроме мамы и папы, не позвонит? Длинная и сутулая, как серая цапля — ее так и обзывают: «Серая Цаплина».

«И что они прицепились с этим сложением дробей? Одна вторая плюс одна вторая — равно единице... Чувшь какая-то! Это смотря что складывать: если сыпучее, то может из двух пол-ложек сахара целая ложка получится, а если две половинки бумажного листа, то, как их ни склеивай, все равно целый лист не получится. Попробуй на таком листе акварелью что-нибудь нарисовать! А если смешать половинки разных цветов?»

Она вернулась к акварели. По бумаге ползал мокрый шмель. Он уже побывал в формочке с черной краской и теперь, двигаясь по силуэту черной зебры, исправлял Наташкины ошибки. Черная зебра стала оживать, а потом побежала, чтобы столкнуться с белыми зебрами и в них раствориться, оставив после себя черные полоски. Это было здорово!

Откуда взялся этот шмель? Ведь не было слышно никакого жужжания. Наверное, он тихо вполз в открытую форточку. Такой умница, а почему-то летать не может...

Она аккуратно взяла двумя пальцами шмеля и промыла его в чистой воде. Потом положила сушиться на чистый лист бумаги. Пока шмель сушился, Наташка читала 2-й том Брема. И наконец нашла то, что искала. Среди «Насекомых с полным превращением». В двадцать восьмом отряде перепончатокрылых.

Прочитав про две пары перепончатых крыльев, Наташка взяла папину большую лупу и стала рассматривать своего сушившегося таланта-шмеля. Художник оказался калекой: отсутствовало заднее правое крылышко. Несправедливо! Впрочем, как и многое другое в этом мире.

Она упрятала шмеля в спичечный коробок, захватила акварель и, несмотря на запрет, вышла на улицу. Где находится районная ветлечебница, ей было неизвестно, но расспрашивала, расспрашивала прохожих — и нашла.

В приемной пришлось сидеть долго, да еще все приставали с расспросами, кого Наташка принесла. Она коротко отвечала, что пришла на консультацию. Какая-то бабка все время норовила влезть без очереди со своим жирным шпиком. На шум вышла медсестра из кабинета и посоветовала:

— Не приставайте к нашему Павлу Петровичу!
«Наш Павел Петрович» — это Наташке понравилось...
Она была последней в очереди, как и всегда. Наконец вошла.
— Что у вас? — устало-строго спросил Павел Петрович, не поднимая головы. Он оказался худым, налысо бритым юношей с очками на длинном носу.

— Шмель, — сказала Наташка и торопливо принялась открывать спичечную коробку. — У него нет одного крылышка, поэтому он не может летать, а ведь он художник. Вот посмотрите, как он зебру в саванне нарисовал!

Юноша Павел Петрович тупо уставился на Наташку, которая держала на ладони левой руки шмеля, а в правой руке рисунок, и спросил:

— Ты что, хочешь его усыпить?

— Да нет, я хочу, чтобы он летал! Крыло можно сделать, можно! — Она аккуратно поместила шмеля в коробок и затем, пока Павел Петрович не опомнился, принялась на обратной стороне акварели быстро набрасывать ячеистую схему недостающего крыла. — Ведь это заднее крылышко, да? Можно прицепиться к переднему, ведущему крылу!

— Стоп, — прочистил горло Павел Петрович. — Дельтапланирист с тремя переломными конечностей! А материал? Из чего я тебе это крыло выкрою?

— Трансплантация! — подсказала Наташка. — В городе ежедневно погибают тысячи перепончатокрылых. Так? — И подняла глаза на строгого ветеринара.

Павел Петрович с интересом рассматривал девочку. Такое существо ему еще не попадалось.

— Так, так, — после некоторого раздумья произнес он. — Завтра в это же время. И прихвати с собой побольше этих... трансплантатов, и необязательно шмелиных. Можно от ос, пчел, стрекоз — словом, от других перепончатокрылых. Рисунок оставь, мне надо подумать над схемой крепежа крыла.

Наташка высочила, едва успев крикнуть «спасибо, до свидания». А Павел Петрович не стал изучать схему крыла — он перевернул лист и внимательно рассмотрел Наташкину акварель. Навстречу стаду белых зебр с черными полосками бежала одна-единственная черная зебра с белыми полосками.

Родители, конечно, высказали Наташке все, что положено в такой ситуации. Во-первых, ушла из дома, несмотря на запрет, во-вторых, дверь не закрыла на ключ, а просто захлопнула, в-третьих, оставила окно открытым. Ну и так далее. Наташка ничего не слышала, она думала о перепончатых крыльях.

— Папа, — спросила, когда возникла пауза, — а где чаще всего погибают насекомые?

— Какие насекомые, ты это о чем? — Голос мамы стал набирать прежнюю высоту.

— Погоди, — остановил ее папа и внимательно посмотрел на дочь. — Каких насекомых ты имеешь в виду?

— Перепончатокрылых. Шмелей, ос, пчел, стрекоз.

— Ты что, в активистки «Гринпис» подалась?

— Да нет, шмелю надо крыло пришить, а то он летать не может. — Наташка открыла спичечный коробок и показала папе своего художника.

Папа взял лупу, которой часто пользовался при пайке электронных плат, и принялся разглядывать шмеля.

— Точно — одного крылышка нет!

Мама через его плечо также заглянула в лупу.

— Да ну вас с этими шмелями, микросхемами и двойками по математике, — произнесла в сердцах и ушла смотреть телевизор.

— Как же ты к нему крыло прикрепишь? — спросил папа.

— Крыло будет крепить ветеринар Павел Петрович, а мне надо трансплантат найти.

ФАНТАСТИКА

Папа потер переносицу.

— Понимаю, — сказал он, — но вот какое дело. Есть мертвые насекомые возле химически обработанных растений, и их использовать нельзя: они уже отравлены. Что остается? Паутина, рамы старых окон, в которых насекомые погибают, случайно попав между стекол, а также яркие светильники. Поняла?

На следующий день, пожертвовав своей коллекцией покемонов в пользу корыстолюбивых школьников младших классов, Наташка к шести часам вечера заполучила около десятка дохлых ос и пчел, двух больших шмелей и громадную стрекозу. Все это богатство она высыпала на стол Павла Петровича.

Под микроскопом, с помощью пинцета и скальпеля, ветеринар отделил от мертвых шмелей крылышки, а Наташка через большую лупу наблюдала, как он это делает. Затем Павел Петрович поместил шмеля-художника в склянку с притертой крышкой, предварительно капнув туда немного эфира. Они подождали, пока шмель уснет, и приступили к операции. К удивлению Наташки, Павел Петрович не стал пришивать шмелю чужое крыло. Вместо этого он обвил шмеля прозрачным пластиковым кольцом с небольшим выступом и к этому выступу подклеил крылышко-протез. Со стороны целого крылышка кольцо было чуть толще. «Это чтобы выступ не перевешивал», — догадалась Наташка.

Она сидела как на иголках, пока шмель просыпался. Наконец проснулся. Павел Петрович дал ему немного поползать, чтобы он окончательно пришел в себя, а затем высоко подбросил, предварительно расстелив на полу старый халат. Почувствовав, что падает, шмель отчаянно загудел и затрепыхал крылышками. На мгновение завис в воздухе и... и полетел, слегка накренившись на покалеченный бок.

— Получилось! — крикнула Наташка и захлопала в ладоши.

Шмель кружил под потолком, вначале медленно, как бы испытывая новое крыло, потом быстрее, а принявшись выписывать виражи. Павел Петрович довольно улыбнулся, достал из ящика письменного стола лазерный диск, вставил его в CD-ROM компьютера и кликнул несколько раз «мышью».

Вряд ли кто-нибудь, кроме стремительных фигуристов, пытался использовать «Полет шмеля» Римского-Корсакова для танца, и великий композитор, наверное, удивился бы, если б увидел, как под его музыку, доносящуюся из диковинного сооружения, кружится нескладная долговязая девочка. А возможно, он изумился бы и тому, что молодого человека в белом халате вообще не интересует музыка: его интересует шмель, летающий по комнате. «Сможет ли шмель планировать, если к нему прикрепить крылья большой стрекозы?»

А может быть, великий композитор ничему бы не удивился и написал музыку о девочке, танцевавшей со шмелем, и о юноше, прыгнувшем с вершины телебашни, чтобы пролететь над городом на дельтаплане, на правом крыле которого танцующая девочка нарисовала черную зебру с белыми полосками.